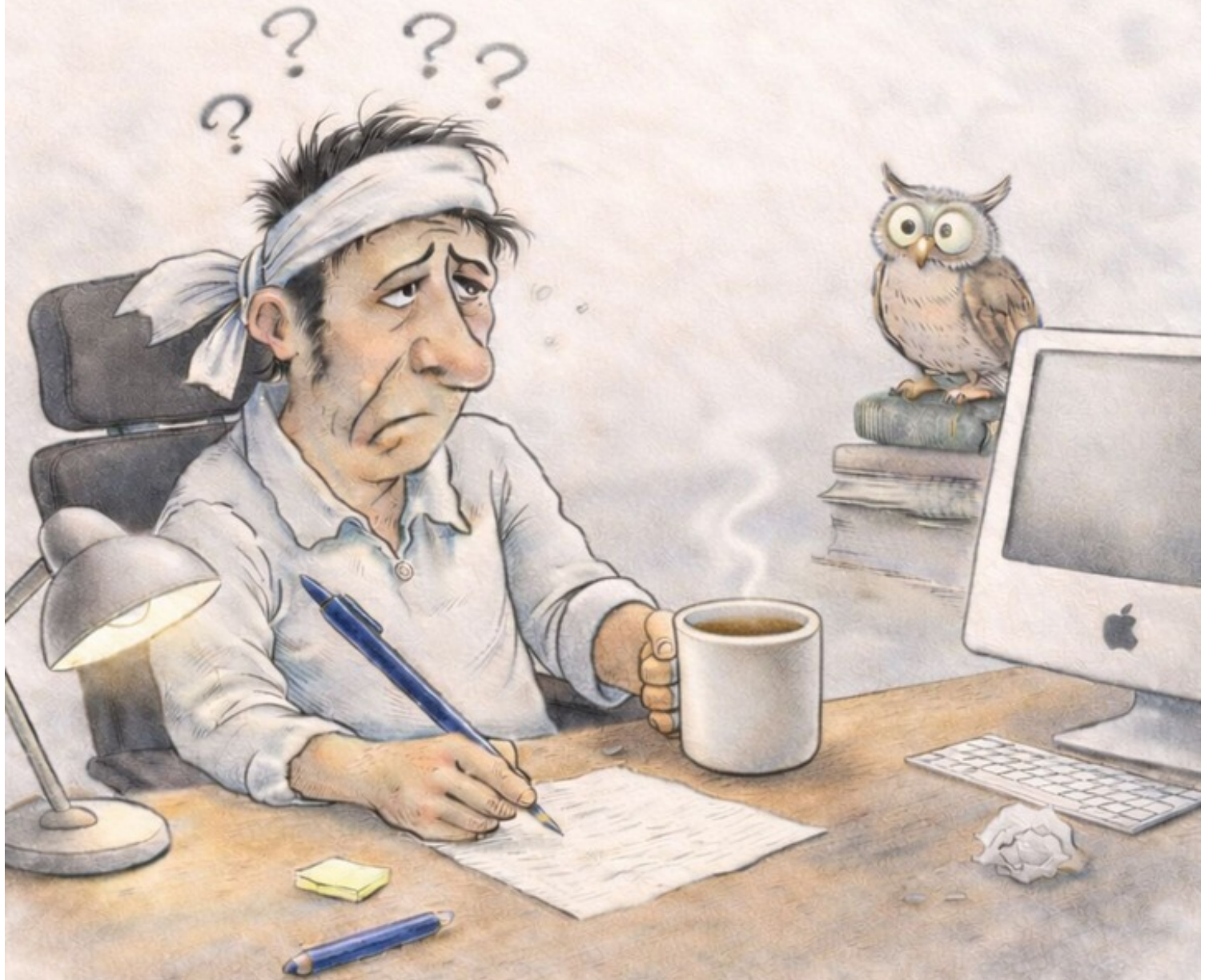

Виктор Харебов

Муки творчества

ВИКТОР ХАРЕБОВ

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

Пособие по бесполезным советам писателю

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Виктор Харемов, 2026

Юмористическая повесть «Муки творчества» – это ироничный и честный рассказ о том, как на самом деле пишутся книги. Здесь нет героического вдохновения и высоких озарений – зато есть сомнения, бесконечные правки, советы друзей, отчаяние, надежда и немного упрямства. Это история о том, как трудно писать, как еще труднее переписывать, и как в итоге все-таки получается книга. С улыбкой, самоиронией и любовью к литературе.

12+

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Муки творчества](#)

[Предисловие](#)

[Как я придумывал название книги](#)

[Как я писал первую страницу.](#)

[Как я сокращал текст](#)

[Разговор с внутренним голосом](#)

[Как я писал ночью](#)

[Как я собирал материал](#)

[Как я описывал погоду.](#)

[Как я писал диалоги](#)

[От какого лица писать книгу?](#)

[Стоит ли отправлять рукопись друзьям?](#)

[Когда книга закончена](#)

[Муки творчества](#)

[Как я издавал книгу.](#)

[Заключительная глава](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга появилась совершенно случайно, как, впрочем, и большинство серьезных вещей в жизни, которые сначала никто не собирался делать, а потом они почему-то оказываются сделанными, причем иногда довольно большими по объему.

Сначала я вообще не собирался писать никакой книги. Я собирался написать небольшой рассказ. Потом я собирался написать еще один небольшой рассказ, чтобы первому было не скучно. Потом оказалось, что рассказы почему-то продолжают появляться, и каждый новый рассказ был про то, как трудно писать предыдущий рассказ. В какой-то момент я понял, что пишу уже не рассказы, а хронику борьбы человека с текстом, предложениями, диалогами, названиями, внутренним голосом и словом «внезапно».

Однажды я разложил все написанные тексты на столе, посмотрел на них и понял, что они подозрительно похожи на книгу. Это меня немного испугало, потому что написать рассказ — это одно, а написать книгу — это уже звучит серьезно, и сразу возникает ощущение, что нужно вести себя солиднее, писать умнее и чаще задумываться.

Я даже сказал моей дочери:

— Кажется, у меня получилась книга.

Она спросила:

— Ты ее специально писал?

— Нет.

— Тогда это самая честная книга, — сказала она.

После этого я решил ничего не исправлять специально и оставить все как есть, потому что если начать серьезно редактировать, можно случайно сделать книгу умной, а она должна была получиться скорее правдивой, чем умной.

Эта книга вообще не совсем про литературу. Она про человека, который решил написать книгу и неожиданно обнаружил, что самое трудное – это не написать книгу, а написать первую страницу, придумать название, сократить текст, не сократить текст слишком сильно, написать диалоги, не дать героям разговаривать три страницы подряд, не описывать погоду пятнадцать страниц, не переписывать все заново каждую неделю, не спорить с внутренним голосом и не отправлять рукопись всем знакомым одновременно.

Я не знаю, можно ли назвать эту книгу юмористической, потому что все, что в ней описано, сначала казалось совсем не смешным, особенно когда переписываешь одну страницу шестой раз или придумываешь название три недели подряд, но потом, когда проходит время, это почему-то начинает казаться довольно смешным, особенно если книга все-таки написана.

Если эта книга поможет кому-то написать свою книгу – это будет хорошо. Если она поможет кому-то не писать книгу – это тоже будет полезно, потому что человек сэкономит много времени. Если же она просто заставит кого-то улыбнуться – значит, она написана не зря, потому что, как показывает опыт, писать книги трудно, а улыбаться все-таки легче.

И, пожалуй, это все, что нужно сказать в Предисловии, потому что слишком длинное Предисловие может вызвать подозрение, что автору больше нравится писать предисловия, чем книги.

КАК Я ПРИДУМЫВАЛ НАЗВАНИЕ КНИГИ

Когда я решил написать книгу, я был уверен, что самое главное – это придумать хорошее название, потому что книгу, как и человека, сначала встречают по названию, а уже потом, если повезет, читают дальше. Мне казалось, что стоит придумать звучное, умное, немного загадочное название, и половина работы будет сделана, а сама книга потом как-нибудь подтянется под это название, потому что нельзя же написать плохую книгу с таким хорошим названием. Поэтому писать книгу я пока не стал и занялся более серьезным делом – придумыванием названия.

Я открыл новый файл и первым делом написал сверху слово «Название», а под ним стал записывать варианты. Сначала все шло хорошо и торжественно. Я написал: «Дороги судьбы». Потом посмотрел на это название и почувствовал, что где-то уже это видел, причем много раз, возможно, на полке в магазине между книгами «Пепел надежды» и «Тени прошлого». Тогда я написал «На перекрестке времен». Это звучало еще более серьезно, и мне даже показалось, что такую книгу должен писать человек с бородой и в свитере, а не я за кухонным столом. Тогда я написал «Когда падают листья». Это было красиво, но сразу возникал вопрос, что делать, если в книге действие происходит летом. Тогда я написал «Туда, где никто не ждет». Это название мне понравилось, но оно звучало так, будто герой всю книгу ходит по учреждениям.

Я решил сменить направление и написал «Человек у окна». Это выглядело литературно, но я понял, что половина мировой литературы – это человек у окна, потому что герои все время или смотрят в окно, или думают у окна, или уходят от окна, чтобы потом снова к нему вернуться. Тогда я написал «Окно человека». Это уже звучало философски, но я не был уверен, что читатель захочет читать книгу про окно. Тогда я написал «Человек, который смотрел в окно». Потом «Окно, которое смотрело на человека». На этом месте я понял, что если продолжать, то следующая книга будет называться «Человек, который смотрел на окно, которое смотрело на человека, который смотрел на улицу».

В этот момент в комнату зашла моя дочь, посмотрела на монитор и спросила:

– Ты книгу пишешь или названия для книг?

– Пока названия, – честно ответил я. – Книга будет потом.

– А зачем сначала название?

– Чтобы знать, о чем писать.

– А если ты придумаешь название «Морские истории», а книга получится про бухгалтерию?

– Тогда это будет метафора, – сказал я.

– Лучше назови книгу «Как я придумывал название», – сказала моя дочь. – Это хотя бы будет правдой.

Я записал и этот вариант, потому что он звучал подозрительно реалистично.

Потом я позвонил другу и сказал, что не могу придумать название книги. Он сразу оживился и сказал, что название должно быть коротким, емким и загадочным, чтобы человек ничего не понял, но заинтересовался.

– Например, как? – спросил я.

– Например, «Порог».

– Почему «Порог»?

– Не знаю, но звучит.

– А если книга про автобус?

– Тогда «Остановка».

– А если про поезд?

– Тогда «Перрон».

– А если вообще ни про что?

– Тогда просто «Тишина». Очень литературно.

Я записал «Порог», «Остановка», «Перрон», «Тишина» и на всякий случай «Эхо», «След», «Берег» и «Память», потому что такие названия, как мне показалось, можно ставить на любую книгу, и никто не сможет доказать, что они не подходят.

Вечером я показал список названий знакомому, который считает себя знатоком литературы. Он долго смотрел на список, потом сказал:

– Название должно быть таким, чтобы человек ничего не понял, но почувствовал, что книга умная.

– Например?

– Например, «Геометрия одиночества».

– А что это значит?

– Не важно. Главное, звучит.

– А еще?

– «Вертикаль молчания».

– Это вообще про что?

– Это про внутренний мир.

– А если книга про водителя автобуса?

– Тогда «Траектория пути».

Я записал еще десять названий, смысл которых не понимал, но они выглядели очень литературно и могли напугать неподготовленного читателя.

На следующий день я начал проверять, не существуют ли уже такие книги. Я вводил названия в поиск и каждый раз выяснялось, что книга с таким названием уже написана, причем иногда в трех томах и с продолжением. Через два часа я понял, что все хорошие названия уже заняты, а свободными остались только такие, как «История одного человека, который однажды куда-то пошел и что-то понял».

За ужином моя дочь снова спросила, как продвигается книга.

– Книга пока не продвигается, – сказал я, – но название почти готово.

– А о чем книга?

– Пока о названии.

– А сколько ты уже написал?
– Список названий на две страницы.
– А саму книгу?
– Пока нет, но название – это очень важная часть.
– Тогда назови книгу «Список названий», – сказала моя дочь.
– Или «Названия без книги», – сказал я.
– Или «Как придумывать названия», – сказала моя дочь.
– Или просто «Название», – сказал я.
– Лучше «Окончательное название», – сказала моя дочь. – Это всегда выглядит убедительно.

Мне понравился вариант «Окончательное название», и я даже некоторое время думал так назвать книгу, но потом понял, что придется все время объяснять, окончательное ли оно на самом деле.

Через несколько дней у меня было уже три страницы названий, но ни одной страницы книги. Названия становились все длиннее и серьезнее. Появились варианты «Невероятная история одного человека, который однажды понял, что все не так просто, как ему казалось», потом «История о жизни, судьбе, людях и некоторых обстоятельствах», потом «Повесть о том, как все происходило, хотя могло и не происходить». Я понял, что если название будет длиннее книги, то книгу можно будет не писать.

Однажды я встретил знакомого, который спросил:

– Ну что, книгу написал?
– Пока нет, – сказал я, – но название почти готово.
– А сколько ты уже придумываешь название?
– Дней десять.
– За это время можно было написать книгу.
– Но тогда пришлось бы придумывать название.
– Тогда назови ее «Без названия».
– Это как-то странно.
– Тогда «Книга без названия».
– Это еще страннее.
– Тогда «Повесть без названия».
– А вот это уже похоже на литературу, – сказал я.

Я пришел домой, открыл новый файл и написал вверху: «Повесть без названия окончательная». Это название мне неожиданно

понравилось, потому что оно было честным и полностью соответствовало состоянию моей работы. Под этим названием я даже написал несколько страниц текста, потому что больше не отвлекался на придумывание названия.

И тогда я понял одну важную вещь. Придумывать название книги можно бесконечно, потому что для этого не нужно писать книгу. Можно сидеть, смотреть в окно, пить чай, советоваться с друзьями, обсуждать с моей дочерью, записывать красивые слова и все это будет называться работой над книгой. Но в какой-то момент приходится выбирать – либо у тебя будет идеальное название и никакой книги, либо будет книга с названием «Повесть без названия окончательная».

И после долгих размышлений я пришел к выводу, что проще написать книгу без названия, чем название без книги, потому что книгу все-таки иногда можно закончить, а название можно придумывать всю жизнь.

КАК Я ПИСАЛ ПЕРВУЮ СТРАНИЦУ

Когда я начал писать свою книгу, я сразу понял, что самая важная часть книги – это первая страница, потому что если читателю не понравится первая страница, он не будет читать вторую, а если он не будет читать вторую, то все остальные триста страниц можно было не писать. Поэтому я решил, что писать книгу нужно очень правильно и начал с первой страницы, потому что это логично, а главное – безопасно, так как пока пишешь первую страницу, книга вроде бы уже пишется, но при этом ничего еще не происходит.

В первый день я написал: «Это был обычный день». Я прочитал эту фразу и понял, что она звучит слишком спокойно, а книга должна начинаться так, чтобы сразу было понятно, что дальше все пойдет не так. Я подумал и написал: «День был необычный». Потом перечитал и понял, что если день необычный, то надо объяснить почему, а я еще не знал почему, потому что еще не придумал сюжет. Тогда я написал: «Никто не знал, что этот день станет необычным». Эта фраза мне понравилась больше, потому что она ничего не объясняла, но обещала, что что-то произойдет.

В этот момент в комнату заглянула моя дочь и спросила, как продвигается книга. Я сказал, что пишу первую страницу. Она посмотрела на монитор и сказала:

- Ты уже час сидишь и написал одну строчку.
- Это очень важная строчка, – сказал я. – С нее все начнется.
- А что начнется?

– Пока не знаю, но начнется.

– Тогда напиши «Все началось», – сказала моя дочь.

– Это слишком просто, – сказал я.

– Тогда напиши «Все началось неожиданно».

– Слово «неожиданно» я уже запретил, – сказал я. – У меня в прошлой книге все происходило неожиданно.

– Тогда напиши «Все началось как обычно, а потом стало необычно», – сказала моя дочь и ушла, оставив меня в тяжелых размышлениях о литературе.

Я удалил все и написал: «Все началось в тот день». Потом подумал и добавил: «Хотя все началось гораздо раньше». Потом перечитал и понял, что теперь нужно писать, что именно началось гораздо раньше, и написал: «Но на самом деле все началось еще раньше». После этого у меня получилось начало книги из трех предложений, в которых ничего не происходило, но было понятно, что когда-то что-то началось, хотя неизвестно когда.

Я решил посоветоваться с другом и отправил ему варианты начала. Через некоторое время он ответил:

– Все варианты хорошие, но ни один не хочется читать дальше.

– А какой хочется? – спросил я.

– Чтобы сразу что-то происходило.

– Например?

– Например, чтобы кто-то бежал.

– Куда бежал? – Не важно, главное, чтобы бежал.

Я подумал и написал: «Он бежал». Потом понял, что надо уточнить, и написал: «Он бежал по улице». Потом: «Он бежал по темной улице». Потом: «Он бежал по темной улице, не оглядываясь». Потом: «Он бежал по темной улице, не оглядываясь, потому что за ним гнались». Потом я понял, что теперь придется писать, кто за ним гнался, а я этого не планировал, потому что книга у меня была совсем не про это.

Я снова все удалил и решил начать спокойно, литературно и со смыслом. Я написал: «Утро начиналось медленно». Потом перечитал и понял, что утро вообще всегда начинается медленно, если вставать не хочется. Тогда я написал: «Город просыпался». Потом подумал, что города в книгах все время просыпаются,

засыпают, живут своей жизнью и дышат огнями, и решил, что город трогать не надо.

На следующий день я снова открыл файл с первой страницей. Файл уже назывался «Книга_первая_страница_вариант_7.docx».

Я перечитал все варианты с самого начала и понял, что они мне не нравятся, но других у меня не было. Я написал еще несколько: «В тот день ничего не предвещало событий». «События начались позже». «Сначала ничего не происходило». «А потом стало происходить».

В этот момент снова пришла моя дочь, посмотрела на монитор и сказала:

- У тебя вся книга будет так начинаться?
- Нет, – сказал я, – потом она продолжится.
- Когда?
- Когда я напишу первую страницу.
- А ты ее уже неделю пишешь.
- Первая страница – самая важная.
- Тогда напиши сразу вторую, – сказала моя дочь. – Первая пусть потом будет.

Эта мысль показалась мне опасной, потому что если начать писать вторую страницу, то придется писать третью, а там уже и до книги недалеко. Поэтому я решил все-таки победить первую страницу.

Я начал читать первые страницы разных книг. В одних книгах герой уже ехал, в других уже уезжал, в третьих уже возвращался, а в некоторых уже умер. Я понял, что хорошая книга начинается тогда, когда что-то уже произошло или вот-вот произойдет. Тогда я написал: «К тому моменту, когда все это произошло, прошло уже много времени». Потом понял, что это похоже на середину книги, а не на начало.

Прошла еще неделя. У меня было двадцать вариантов первой страницы, и все они начинались по-разному, но заканчивались одинаково – я их удалял. Файл теперь назывался «Книга_первая_страница_самый_последний_вариант_финал_3.docx». Внутри файла было двадцать семь разных начал и ни одного продолжения.

Однажды вечером моя дочь снова спросила:

– Ну что, ты написал первую страницу?

– Почти.

– А вторую?

– До второй еще далеко.

– А сколько всего страниц будет?

– Может, триста.

– Тогда ты можешь всю жизнь писать первую страницу, – сказала она.

– Не могу, – сказал я. – Рано или поздно придется написать вторую.

– Тогда напиши вторую, а первую потом подгонишь, – сказала моя дочь.

– Так нельзя.

– Почему?

– Потому что первая страница должна быть идеальной.

– А остальные?

– Остальные можно попроще, – сказал я и сам удивился тому, что сказал.

В этот момент я вдруг понял одну простую вещь. Пока я пытаюсь написать идеальную первую страницу, книга не пишется. А если написать сто пятьдесят страниц, то первая страница уже не будет такой страшной, потому что за ней будет еще сто сорок девять страниц, и читатель, возможно, простит мне начало.

Я открыл новый файл и написал просто: «Это был обычный день». Потом немного подумал и написал второе предложение. Потом третье. Потом еще одно. И вдруг оказалось, что я уже пишу не первую страницу, а вторую.

И тогда я окончательно понял, что главная страница в книге – не первая. Главная страница – это примерно сто пятидесятая, до которой никто никогда не доходит, потому что все в это время все еще переписывают первую.

КАК Я СОКРАЩАЛ ТЕКСТ

Когда я закончил писать свою повесть, рукопись получилась довольно толстой, и я даже сначала обрадовался, потому что толстая рукопись всегда выглядит серьезнее тонкой, но потом я перечитал ее и понял, что в ней слишком много слов, предложений, описаний, рассуждений, воспоминаний, размышлений героя о жизни, а также рассуждений автора о том, зачем герой размышляет о жизни. Я решил, что настоящий писатель должен уметь сокращать текст, потому что все умные люди говорят, что писать – это значит сокращать, и поэтому я открыл файл и приготовился безжалостно удалять все лишнее.

Сначала я решил начать с прилагательных, потому что где-то прочитал, что прилагательные портят текст, и если их убрать, текст становится строгим, мужественным и литературным. Я нашел предложение «Он медленно шел по длинной темной улице» и решил, что здесь слишком много прилагательных. Я убрал «длинной» и «темной», и получилось «Он медленно шел по улице». Потом я подумал и убрал «медленно», потому что это уже наречие, а я решил бороться не только с прилагательными, но и с наречиями. Получилось «Он шел по улице». Я посмотрел на это предложение и понял, что оно стало короче, но при этом герой теперь шел без настроения, без погоды, без времени суток и вообще неизвестно куда.

В этот момент в комнату вошла моя дочь, посмотрела на монитор и спросила:

– Что ты делаешь?

- Сокращаю текст.
- Зачем?
- Чтобы книга была лучше.
- А что ты сокращаешь?
- Прилагательные.
- А зачем они тогда были?
- Чтобы было красиво.
- А теперь?
- Теперь будет строго и литературно.
- А тебе самому нравится?
- Пока не знаю, – сказал я, – но говорят, так надо.

Я пошел дальше и начал удалять целые предложения. В одном месте у меня было описание комнаты на полстраницы. Я прочитал его и решил, что читателю не так уж важно, какого цвета занавески и сколько было стульев, поэтому я удалил половину описания. Потом прочитал оставшуюся половину и понял, что теперь непонятно, где происходит действие, и пришлось добавить одно предложение, чтобы объяснить, что это все-таки комната, а не вокзал.

Потом я решил сокращать диалоги. У меня был длинный разговор двух героев, который занимал почти три страницы, и они все это время обсуждали жизнь, судьбу и почему все происходит именно так, а не иначе. Я решил сократить диалог наполовину и удалил несколько реплик. После этого диалог стал короче, но герои начали отвечать друг другу на вопросы, которых в тексте уже не было. Пришлось вернуть один вопрос. Потом оказалось, что ответ на этот вопрос я тоже удалил, и пришлось вернуть ответ. Потом оказалось, что без предыдущего вопроса ответ звучит странно, и я вернул еще одну реплику. В итоге диалог стал длиннее, чем был до сокращения.

Я позвонил другу и сказал, что сокращаю текст, но он почему-то становится длиннее. Он сказал:

- Это нормально.
- Почему?
- Потому что, когда ты удаляешь плохое предложение, ты потом пишешь хорошее, а хорошее обычно длиннее плохого.
- Тогда получается, что сокращать текст опасно.

– Нет, – сказал он, – сокращать нужно, но не так, чтобы потом все переписывать.

– А как?

– Если бы я знал, я бы тоже писал книги.

Я вернулся к рукописи и решил удалять целые сцены. У меня была сцена, где герой ехал в автобусе и думал о жизни. Я прочитал эту сцену и понял, что герой думает о жизни уже в пяти местах книги, и можно в одном месте не думать. Я удалил сцену с автобусом и вдруг обнаружил, что в следующей главе герой выходит из автобуса. Пришлось либо вернуть автобус, либо придумать, откуда он вышел. Я решил, что проще вернуть автобус.

Потом я решил сокращать описания природы. У меня было несколько страниц про дождь, ветер, облака и настроение осени. Я оставил только одно предложение: «Шел дождь». Прочитал и понял, что дождь в книге шел уже три раза, и если оставить все дожди, то книга будет похожа на метеорологический дневник. Я заменил дождь на солнце, но тогда настроение сцены перестало совпадать с настроением героя, и пришлось добавить, что солнце было грустное.

Вечером я снова показал текст моей дочери и сказал:

– Я сократил книгу. – На сколько? – Было триста страниц, теперь примерно двести восемьдесят.

– Это ты называешь сократил?

– Я убрал много лишнего.

– А почему страниц почти столько же?

– Потому что я кое-что переписал.

– То есть ты удалил и написал снова?

– Да.

– Тогда ты не сократил, а переписал, – сказала моя дочь.

– Это называется литературное редактирование, – сказал я.

На следующий день я решил сокращать еще более решительно и стал удалять целые абзацы. Я удалил один абзац, потом второй, потом третий. Потом прочитал текст и понял, что между первым и четвертым абзацем пропала логика, и пришлось написать переход, который оказался длиннее удаленных абзацев.

Потом я нашел сцену, которая мне не очень нравилась, и решил ее удалить. Я удалил сцену и вдруг понял, что в конце книги герой вспоминает именно эту сцену. Пришлось либо удалить воспоминание, либо вернуть сцену. Я вернул сцену, но переписал ее лучше, и она стала на полстраницы длиннее.

Через неделю сокращений я открыл файл и посмотрел на количество страниц. Страниц стало больше. Я сначала подумал, что это ошибка, но потом понял, что это результат моей работы по сокращению текста.

Я снова позвонил другу и сказал:

- Я неделю сокращал текст, и он стал длиннее. Он сказал:
- Это хороший признак.
- Почему?
- Значит, ты стал писать лучше.
- Но книга стала толще.
- Зато лучше.
- А если я еще посокращаю?
- Тогда, возможно, у тебя получится очень большая и очень хорошая книга.

В этот момент я окончательно понял, что сокращение текста – это очень сложный литературный процесс, который состоит в том, что ты удаляешь плохие предложения, потом пишешь хорошие, потом удаляешь хорошие, потому что они слишком длинные, потом пишешь короткие, но потом добавляешь к ним объяснения, чтобы было понятно, и в результате текст становится длиннее, но автор при этом уверен, что он его сократил.

И после долгих сокращений я пришел к важному выводу, что сокращение текста – это когда текст становится длиннее, но автор считает, что он стал короче, потому что теперь в нем нет ничего лишнего, кроме того, что он добавил вместо удаленного.

РАЗГОВОР С ВНУТРЕННИМ ГОЛОСОМ

Когда я начал всерьез писать свою книгу, я довольно быстро понял, что пишу ее не один. Сначала я думал, что это просто я иногда сомневаюсь, иногда исправляю, иногда удаляю написанное, но потом я понял, что у меня в голове живет отдельный человек, и этот человек – внутренний голос. Он появляется каждый раз, когда я пишу хоть одно предложение, и сразу начинает говорить, что все не так, все плохо, все надо переделать, а лучше вообще не писать.

Однажды я написал предложение: «Он вошел в комнату». Я прочитал его, и в этот момент в голове сразу раздался голос внутреннего голоса:

– Слишком просто.

– А как надо? – спросил я мысленно.

– Литературнее.

Я подумал и написал: «Он медленно вошел в комнату».

– Слишком медленно, – сказал голос.

– Тогда быстрее? – спросил я и написал: «Он стремительно вошел в комнату».

– Почему стремительно? – спросил голос.

– Он опаздывает? За ним гонятся? Там пожар?

– Нет, он просто вошел.

– Тогда зачем стремительно?

– Тогда как ему войти? – спросил я.

– Придумай сам, ты же писатель, – сказал голос и замолчал, но я чувствовал, что он недоволен.

Я написал: «Он вошел в комнату и остановился у двери».

– Зачем он остановился? – спросил голос.

– Чтобы осмотреться.

– Тогда напиши, что он осмотрелся.

Я написал: «Он вошел в комнату, остановился у двери и осмотрелся».

– Слишком подробно, – сказал голос. – Читатель устанет.

– Тогда я оставлю просто «Он вошел в комнату».

– Слишком просто, – сказал голос.

В результате герой стоял у двери уже полчаса, а в комнату так и не вошел, потому что мы с голосом не могли договориться, как именно он должен войти.

В этот момент в комнату вошла моя дочь и спросила, почему я сижу и смотрю на одну строчку.

– Я пишу сцену, – сказал я.

– А что происходит?

– Герой входит в комнату.

– Он уже полчаса входит, – сказала моя дочь.

– Потому что у меня внутренний голос.

– А кто это?

– Это человек, который говорит, что все плохо.

– Тогда не слушай его, – сказала она.

– Я не могу, он у меня в голове живет.

– Тогда пусть он тоже пишет, – сказала она и ушла.

Я снова сел за текст и решил продолжать. Я написал: «Комната была большая». Голос сразу сказал:

– Какая большая?

– Ну просто большая.

– Сколько метров?

– Я не знаю.

– Тогда не пиши, что большая.

– Тогда какая?

– Придумай.

Я написал: «Комната была просторная».

– Просторная и большая – это одно и то же, – сказал голос.

– Тогда пусть будет маленькая.

– Тогда зачем он туда вошел?

– Чтобы выйти.

– Тогда пусть не входит, – сказал голос.

Я удалил предложение про комнату и написал: «В комнате стоял стол».

– Какой стол? – спросил голос.

– Обычный.

– В литературе не бывает обычных столов.

– Тогда деревянный.

– Это скучно.

– Тогда старый деревянный стол.

– Это уже лучше, но банально.

– Тогда тяжелый старый деревянный стол.

– Слишком много прилагательных.

– Тогда пусть просто будет стол.

– Мы уже обсуждали стол, – сказал голос. – Лучше напиши что-нибудь другое.

В этот момент я понял, что писать книгу – это не когда ты пишешь, а когда ты споришь с человеком, которого никто, кроме тебя, не видит.

Я решил написать диалог.

Я написал: – Здравствуйте, – сказал он.

Голос сказал:

– Люди так не разговаривают.

– А как разговаривают?

– Живее.

Я написал: – Ну здравствуйте, – сказал он.

– Слишком живо, – сказал голос.

– Тогда как?

– Сам решай.

Я написал: – Добрый день, – сказал он.

– Это говорит человек из банка, – сказал голос.

– Тогда пусть он вообще ничего не говорит.

– Тогда это не диалог.

Я закрыл глаза и сказал:

– Послушай, внутренний голос, давай договоримся.

– Давай, – сказал голос.

– Я пишу, а ты молчишь.

– Нет, – сказал голос.

– Тогда ты пишешь, а я молчу.

– Я не могу писать, я голос.

– Тогда зачем ты мне нужен?

– Чтобы ты не писал плохо.

– Но из-за тебя я вообще не пишу.

– Зато не плохо, – сказал голос.

В этот момент снова пришла моя дочь и спросила:

– Ты опять не пишешь?

– Я спорю с внутренним голосом.

– И кто выигрывает?

– Пока он.

– А ты его уволить не можешь?

– Он не увольняется.

– Тогда напиши, что он уволился.

– Это хорошая идея, – сказал я.

Я открыл файл и написал: «Внутренний голос уволился и больше не мешал писателю работать».

Голос сразу сказал:

– Так нельзя, это неправда.

– Почему неправда?

– Потому что я никуда не делся.

– Тогда хотя бы выйди на обед.

– Я всегда на работе, – сказал голос.

Я снова попытался писать. Я написал длинный абзац, перечитал его и даже сам был доволен.

Но тут голос сказал:

– Слишком длинно.

– Тогда я сокращу, – и сократил абзац.

– Теперь слишком коротко.

– Тогда я добавлю, – и добавил пару фраз.

– Теперь опять длинно.

– Тогда я оставлю как было.

– Как было – плохо.

Я откинулся на спинку стула и сказал:

– Послушай, а тебе вообще что-нибудь нравится?

Голос подумал и сказал:

– Нравится, когда ты ничего не пишешь. Тогда нечего исправлять.

И вот тут я понял страшную вещь. Главный враг писателя – не критики, не издатели, не читатели, а внутренний голос, который сидит в голове и не дает герою войти в комнату, не дает комнате быть большой, не дает столу быть деревянным и не дает книге быть написанной.

И тогда я принял единственно правильное решение. Я решил сначала написать книгу, а потом уже дать ее читать внутреннему голосу. Потому что если сначала слушать голоса, то герой будет стоять в дверях три страницы, стол будет без описания, комната без размеров, диалоги без слов, а книга без текста.

С тех пор я иногда говорю внутреннему голосу: – Подожди, я сначала напишу плохо, а потом мы с тобой вместе сделаем хорошо. Он, конечно, все равно ворчит, но иногда соглашается, и в такие редкие моменты книга все-таки понемногу пишется, а герой наконец входит в комнату, закрывает за собой дверь и садится на тот самый стол, который мы так долго не могли описать.

КАК Я ПИСАЛ НОЧЬЮ

Когда я решил, что стану настоящим писателем, я довольно быстро пришел к выводу, что настоящие писатели пишут ночью, потому что днем пишут только бухгалтеры, студенты и люди, которые пишут объяснительные, а настоящая литература, как мне казалось, начинается после одиннадцати вечера, когда нормальные люди уже ложатся спать, а писатели, наоборот, садятся за стол, наливают себе чай, смотрят в окно и начинают писать что-нибудь бессмертное.

Поэтому в один прекрасный вечер я торжественно сказал моей жене: — Сегодня я буду писать ночью. Она посмотрела на меня внимательно и спросила: — А днем ты что делал? — Днем я готовился писать ночью. — Понятно, — сказала она. — А ночью ты будешь готовиться писать утром? — Нет, ночью я буду писать. — Тогда я посмотрю, — сказала она и ушла, явно не веря в мою ночную литературную деятельность.

В 22:55 я уже сидел за столом, открыл файл, положил рядом блокнот, ручку, сделал серьезное лицо и стал ждать, когда наступит 23:00, потому что писать раньше одиннадцати было как-то несолидно. В 23:00 я посмотрел на часы, вздохнул и написал первое предложение. Потом перечитал его и понял, что писать без чая невозможно, потому что все писатели пьют чай или кофе, а без этого никакого вдохновения быть не может.

В 23:10 я пошел на кухню делать чай. Там я случайно открыл холодильник, потому что когда идешь на кухню, всегда открываешь холодильник, даже если пришел за чайником. В холодильнике лежали разные продукты, которые, как мне показалось, очень

мешали литературному процессу, потому что писатель не может писать, если знает, что в холодильнике лежит что-то вкусное и его не съели. Поэтому я решил, что для продуктивной ночной работы холодильник нужно немного разгрузить.

В этот момент на кухню зашла моя жена и спросила:

– Ты уже пишешь?

– Я делаю чай.

– А почему ты ешь котлету?

– Потому что писателю нужны силы.

– Ты же только сел писать.

– Писательство – тяжелый труд, – сказал я и взял еще кусок хлеба, чтобы не писать на голодный желудок.

В 23:25 я вернулся к компьютеру с чаем и бутербродом, сел, открыл файл и решил, что перед серьезной ночной работой надо немного почитать, как правильно писать ночью, потому что, возможно, есть какие-то специальные методы ночного письма, о которых я не знаю. Я открыл интернет и начал читать статьи «Как работать ночью», «Ночной режим продуктивности», «Почему гении работают по ночам», «Как не заснуть после полуночи» и «Десять привычек ночных людей».

В 23:50 я уже знал, что нужно делать перерывы, пить воду, проветривать комнату, делать зарядку, работать по таймеру, не есть сладкое и не отвлекаться на интернет. После этого я закрыл статью и открыл другую статью про продуктивность, чтобы закрепить знания.

Ровно в 00:00 я посмотрел на часы и понял, что уже ночь, а я еще ничего не написал, но зато хорошо подготовился. Я открыл файл и начал писать. Я написал одно предложение, потом второе, потом перечитал их и понял, что ночью они кажутся гениальными, но утром, скорее всего, окажутся странными.

В 00:10 я почувствовал, что устал. Я не понял, от чего именно, потому что я почти ничего не написал, но ночная работа сама по себе утомляет. Я встал, походил по комнате, посмотрел в окно, где было темно, и почувствовал себя настоящим писателем, потому что стоял ночью у окна и думал о жизни.

В этот момент в мою комнату вошла жена, посмотрела на меня и сказала:

- Ты чего не спишь?
- Я пишу книгу.
- А почему ты стоишь у окна?
- Я думаю.
- А писать когда будешь?
- Я уже написал два предложения.
- За час?
- Это сложные предложения, – сказал я.

В 00:15 я снова пошел на кухню, потому что писателю ночью нужно подкрепляться. Я открыл холодильник и понял, что там осталось еще много продуктов, которые могут мешать литературе. Я сделал еще один бутерброд, потом решил, что бутерброд без чая – это неправильно, и сделал еще чай. Потом я сел на кухне и начал думать о сюжете, потому что на кухне думается лучше, чем за компьютером.

Моя жена снова зашла на кухню и сказала:

- Ты писал ночью или ел ночью?
- Я совмещаю.
- А книга про что?
- Пока про то, как я пишу ночью.
- Тогда ты уже много материала собрал, – сказала она.

В 00:30 я вернулся к компьютеру, сел, открыл файл и вдруг понял, что ночью писать очень трудно, потому что хочется спать, есть, смотреть в окно, читать статьи про продуктивность и думать о смысле жизни, но не писать текст. Я написал еще одно предложение, потом перечитал все, что написал за ночь, и понял, что можно было написать это днем за десять минут.

Я снова встал, походил по комнате, посмотрел на часы, потом на диван, потом снова на часы и понял, что настоящий писатель, конечно, пишет ночью, но настоящий писатель, возможно, днем спит, а я днем не сплю, поэтому ночью мне хочется спать, а не писать.

В этот момент из спальни, где уже засыпала жена, послышалось:

- Ну что, писатель, много написал?
- Три предложения.

– Тогда ты можешь писать книгу лет десять.
– Может быть, – сказал я.
– А может, лучше писать днем?
– Настоящие писатели пишут ночью.
– Тогда будь ненастоящим писателем, но выспавшимся, – сказала она и закрыла дверь.

Я еще немного посидел, посмотрел на монитор, на свои три предложения, на часы, на чай, который уже остыл, и понял, что писать ночью – это очень романтично в книгах и фильмах, но в реальной жизни ночью лучше всего получается спать, есть и читать статьи про продуктивность.

Я закрыл файл, сохранил его под интригующим названием «Книга_ночь_окончательный_вариант.docx», выключил компьютер и решил, что писать лучше всего утром.

И уже ложась спать, я окончательно понял, что писать лучше всего не ночью и не утром, а завтра, потому что завтра всегда самое удобное время для начала любой серьезной работы, особенно если это работа над книгой.

КАК Я СОБИРАЛ МАТЕРИАЛ

Когда я решил писать серьезную книгу, я довольно быстро понял, что писать книгу сразу нельзя, потому что сначала нужно собрать материал, а без материала писать книгу — это несерьезно, непрофессионально и вообще так делают только те писатели, которые все выдумывают, а я хотел писать основательно, с фактами, деталями, картами, историческими справками и прочими вещами, которые создают впечатление, что автор знает, о чем говорит, даже если он не совсем знает, о чем пишет.

Я открыл новый блокнот и написал сверху крупно: «Сбор материала». Под этим я написал список того, что должен сделать настоящий писатель перед тем, как начать писать книгу. В списке были статьи, документальные фильмы, форумы, карты, воспоминания, биографии, интервью, старые газеты и на всякий случай книги о том, как писать книги, потому что если уж собирать материал, то по-настоящему.

В этот момент моя дочь заглянула в комнату и спросила, пишу ли я книгу. Я сказал, что пока не пишу, а собираю материал, потому что без материала нельзя. Она спросила, о чем будет книга, и я сказал, что пока точно не знаю, но материал уже начал собирать. Она подумала и сказала, что это очень удобно, потому что можно долго работать и ничего не писать, и при этом говорить, что идет подготовка.

Я начал с чтения статей. Сначала я читал статьи по теме, потом статьи немного рядом с темой, потом статьи вообще не по теме, но интересные. Потом я случайно прочитал статью о том, как

правильно сидеть за компьютером, чтобы не болела спина, потом статью о том, сколько чашек чая можно пить писателю в день, потом статью о том, как писатели собирают материал, и понял, что я все делаю правильно.

Потом я решил посмотреть документальные фильмы, потому что документальные фильмы создают ощущение серьезной работы. Я включил один фильм, потом второй, потом третий. Через некоторое время я уже смотрел фильм про древние города, хотя моя книга не имела никакого отношения к древним городам, но я решил, что в книге может появиться герой, который интересуется древними городами, и тогда этот материал пригодится.

Вечером моя дочь снова спросила:

- Ну что, книгу написал?
- Пока собираю материал.
- А что ты сегодня делал?
- Смотрел документальные фильмы.
- Про что?
- Про древние города.
- А книга про что?
- Пока не знаю, но материал уже есть.

На следующий день я решил читать форумы, потому что на форумах люди пишут настоящие истории из жизни, а писателю всегда нужен живой материал. Я зашел на один форум, потом на другой, потом на третий. Через два часа я уже знал, какие стиральные машины лучше, как выбирать зимнюю резину, как правильно выращивать помидоры и почему нельзя спорить с соседями по поводу парковки. Материала было много, но я не был уверен, что смогу вставить его в книгу.

Потом я решил изучать карты, потому что если в книге герой куда-то едет, автор должен знать, куда он едет и сколько времени он туда едет. Я открыл карту и начал смотреть дороги, города, реки, станции, остановки, расстояния. Через некоторое время я уже знал, как доехать из одного города в другой тремя разными способами, где по дороге можно поесть и где лучше не останавливаться, но герой в моей книге пока никуда не ехал, потому что я еще не начал писать книгу.

Потом я начал читать биографии писателей, потому что решил, что надо учиться у великих. Я прочитал, как один писатель писал по десять часов в день, другой вставал в пять утра, третий писал сто страниц в неделю, четвертый вообще писал стоя. После этого я почувствовал усталость и решил, что сначала надо собрать материал о том, как они собирали материал.

Через некоторое время моя дочь снова спросила:

– Сколько ты уже собираешь материал?

– Недели две.

– А книгу ты когда начнешь писать?

– Когда соберу достаточно материала.

– А сколько нужно материала?

– Много.

– А ты уже много собрал?

– Очень много.

– А о чем книга?

– Пока не знаю, – честно сказал я.

Она подумала и сказала, что, возможно, я собираю материал не для книги, а просто собираю материал, потому что это интереснее, чем писать книгу.

Через месяц у меня было несколько блокнотов с записями, много закладок в интернете, список фильмов, список книг, список идей, список персонажей, список возможных названий и список того, что надо еще изучить. У меня не было только одного – самой книги.

Я решил, что, возможно, нужно еще почитать книги о том, как писать книги, потому что, может быть, там написано, когда надо перестать собирать материал и начать писать. Я прочитал одну книгу о писательстве, потом вторую, потом третью. Во всех книгах было написано, что главное – это начать писать и не бояться, а материал можно собирать по ходу работы. Мне это показалось подозрительным, потому что тогда я зря месяц собирал материал.

Я сказал об этом моей дочери, и она ответила:

– Может быть, сбор материала – это просто способ не писать книгу?

– Нет, – сказал я, – это подготовка.

– А когда закончится подготовка?

- Когда я буду готов.
- А ты когда будешь готов?
- Когда соберу достаточно материала.
- А ты уже достаточно собрал?
- Возможно.
- Тогда начинай писать.
- Надо еще немного почитать.
- Тогда ты будешь читать всю жизнь, – сказала она.

Я сел за стол, открыл блокноты, посмотрел на свои записи и понял, что я знаю очень много разных фактов, историй, деталей, но я все еще не знаю, о чем будет моя книга. Я знал, какие бывают старые поезда, как строят мосты, как работают архивы, как люди путешествуют, как писатели пишут книги, как они не пишут книги, как они собирают материал, но у меня все еще не было первой страницы.

И тогда я вдруг понял очень простую и очень важную вещь. Сбор материала – это лучший способ не писать книгу, потому что, пока ты собираешь материал, ты вроде бы работаешь, читаешь, смотришь, записываешь, думаешь, ходишь по музеям, смотришь карты, разговариваешь с людьми, и все это называется работой над книгой, но самой книги при этом нет, и она не увеличивается ни на одну страницу.

И после этого открытия я закрыл блокноты, закрыл карты, закрыл статьи, закрыл книги о писательстве и открыл чистый файл, потому что в какой-то момент материал должен закончиться и должна начаться книга, иначе можно собрать столько материала, что его хватит на десять книг, но ни одной из них так и не будет написано.

КАК Я ОПИСЫВАЛ ПОГОДУ

Когда я писал свою книгу, в какой-то момент я понял, что в каждой серьезной книге обязательно должно быть описание погоды, потому что без погоды книга выглядит как-то подозрительно сухо, а с погодой сразу появляется атмосфера, настроение, философия и ощущение, что автор наблюдательный человек и умеет смотреть в окно. Поэтому я решил, что в моей книге погода будет описана тщательно, красиво и с литературным смыслом.

Сначала все было просто. Я написал: «Шел дождь». Я прочитал это предложение и понял, что оно слишком короткое и не очень литературное. Тогда я написал: «Шел мелкий дождь». Потом перечитал и понял, что мелкий дождь звучит как-то не очень драматично. Тогда я написал: «Моросил мелкий осенний дождь». Это уже звучало литературно, и я даже почувствовал, что книга становится серьезнее.

В этот момент в комнату зашла моя дочь и спросила, как продвигается книга. Я сказал, что сейчас описываю погоду. Она посмотрела на монитор и сказала:

- У тебя уже три предложения про дождь.
- Это атмосфера, – сказал я.
- А что происходит?
- Пока идет дождь.
- А потом?
- Потом, возможно, герой выйдет на улицу.
- Когда?
- Когда закончится дождь, – сказал я.

Я продолжил писать. Я написал: «Дождь шел косо». Потом подумал и написал: «Дождь шел почти горизонтально». Потом решил, что это слишком технически, и написал: «Дождь шел упрямо и косо, как будто у него были свои планы на этот вечер». Мне это понравилось, потому что дождь сразу стал похож на персонажа.

Потом я решил, что в книге не может все время идти просто дождь, и написал: «Небо было серым». Потом: «Тучи медленно плыли». Потом: «Ветер гнал тучи». Потом: «Ветер гнал тучи, а дождь шел косо». Потом я понял, что у меня уже целая страница погоды, а герой все еще стоит у окна и никуда не идет.

Вечером моя дочь снова спросила:

– Ну что, книга продвигается?

– Да, у меня уже четыре страницы.

– Про что?

– Пока про погоду.

– А сюжет где?

– Сюжет будет, когда погода закончится.

– Тогда у тебя может быть очень короткая книга, если погода быстро закончится, – сказала она.

Я подумал и решил, что погода должна меняться, потому что если все время идет дождь, читатель устанет. Я написал: «Дождь постепенно стих». Потом написал: «Показалось солнце». Потом: «Солнце выглянуло из-за туч». Потом: «Солнце неуверенно выглянуло из-за туч, как будто проверяло, можно ли уже светить». Потом я понял, что солнце ведет себя как человек, и решил оставить.

Потом я решил добавить философии. Я написал: «Погода была такая, какая бывает, когда человеку немного грустно, но он не может объяснить почему». Это предложение мне понравилось, потому что оно подходило почти к любой ситуации в книге.

На следующий день я перечитал все, что написал, и понял, что у меня уже много страниц про дождь, ветер, тучи, солнце, утро, вечер, серое небо, холодный воздух и мокрый асфальт, но герой все еще никуда не пошел и ничего не сделал. Он просто стоял у окна и смотрел на погоду, а я описывал, на что он смотрит.

Я решил спросить совета и сказал моей дочери:

– Как ты думаешь, не слишком ли много у меня погоды?

Она прочитала несколько страниц и сказала:

– У тебя ощущение, что в книге живет только погода.

– А герой?

– Герой смотрит на погоду.

– Это философский герой.

– Тогда пусть он хотя бы выйдет из дома, – сказала она.

Я решил, что герой выйдет из дома, но для этого нужно описать погоду на улице. Я написал: «На улице было сыро». Потом: «На улице было сыро и холодно». Потом: «На улице было сыро, холодно и ветрено». Потом: «Ветер гнал по улице мокрые листья». Потом: «Мокрые листья прилипали к асфальту». Потом: «Асфальт блестел от дождя». Потом: «В лужах отражались фонари». Потом: «Фонари отражались в лужах, как маленькие грустные солнца».

В этот момент я понял, что опять пишу только про погоду и лужи, а герой все еще просто идет по улице и ничего не делает. Я попытался написать, что герой думает, но получилось, что он думает о погоде.

Через некоторое время у меня было примерно пятнадцать страниц описаний погоды: дождь, морось, ветер, тучи, солнце, лужи, мокрые листья, холодный воздух, теплый воздух, вечерний свет, утренний свет и еще несколько видов дождя, которые я придумал сам, потому что обычных видов дождя мне уже не хватало.

Я снова показал текст моей дочери и сказал:

– Мне кажется, у меня слишком много погоды.

Она посмотрела и сказала:

– У тебя можно из книги сделать прогноз погоды на год.

– Зато атмосферно.

– Очень атмосферно, но ничего не происходит.

– Почему ничего? Дождь идет.

– Дождь идет уже пятнадцать страниц, – сказала она.

– У тебя книга не про людей, а про осадки.

Я сел, подумал и вдруг понял очень простую вещь. Каждый раз, когда я не знаю, что должно происходить в сюжете, я начинаю описывать погоду. Когда герой не знает, куда идти, идет дождь. Когда я не знаю, о чем писать диалог, поднимается ветер. Когда сюжет

остановился, появляются тучи. Когда надо заполнить страницу, начинается морось.

И тогда я понял главное правило литературы. Если не знаешь, что происходит в книге – начинается дождь. А если дождь уже был, начинается ветер. А если был и дождь, и ветер, значит, можно описать закат.

После этого открытия я решил, что в моей книге будет меньше погоды и больше событий, потому что иначе у меня получится не роман, а очень подробное описание климата в одном отдельно взятом городе, где все время идет дождь, дует ветер, а герой стоит у окна и думает, выходить ему или подождать, пока закончится следующая глава.

КАК Я ПИСАЛ ДИАЛОГИ

Когда я начал писать свою книгу, я довольно быстро понял, что писать описание я еще как-то умею, погоду описывать тоже научился, героев назвал, даже сюжет где-то примерно представлял, но как только дело дошло до диалогов, книга остановилась, потому что герои либо молчали, либо говорили так, что лучше бы они молчали.

Сначала у меня получались очень короткие диалоги.

Я написал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Как дела?

– Нормально.

– Ну ладно.

– Ну ладно.

Я перечитал этот диалог и понял, что люди вроде поговорили, но ничего не произошло, и если так будет разговаривать вся книга, то читатель уснет раньше, чем герои договорят «ну ладно».

В этот момент в комнату заглянула моя дочь и спросила, что я пишу. Я сказал, что пишу диалог.

Она прочитала и сказала:

– Они у тебя как будто встретились в лифте и едут молча на разные этажи.

– Это вступительный диалог, – сказал я.

– Тогда пусть лифт застрянет, – сказала она. – Хоть разговор будет.

Я подумал, что она права, и решил сделать диалог длиннее. Я написал большой разговор на две страницы. Герои разговаривали о жизни, о погоде, о работе, о детстве, о планах на будущее, о смысле жизни, о том, что все меняется, и о том, что ничего не меняется. Я перечитал и понял, что за две страницы разговора герои так и не встали со стульев, никуда не пошли и ничего не сделали.

Я снова показал текст моей дочери. Она прочитала и сказала: – Они у тебя разговаривают так, как будто сидят в поезде и больше никогда не увидятся. – Это глубокий разговор, – сказал я. – Очень глубокий, но они могли бы за это время хотя бы чай налить. – Это будет в следующей главе. – Они пока еще в этой главе сидят, – сказала она.

Я понял, что герои у меня либо говорят слишком мало, либо слишком много, но в обоих случаях никуда не двигаются. Тогда я решил, что у каждого героя должен быть свой характер и своя манера говорить. Я написал новый диалог.

– Я считаю, что данная ситуация требует тщательного анализа, – сказал один герой.

– Может быть, – сказал второй.

– Все плохо, – сказал третий.

– Чай будете? – сказала проводница.

Я перечитал и понял, что этот диалог мне нравится, потому что в нем хотя бы есть чай, а чай всегда украшает литературу.

Но потом возникла новая проблема. Герои начали разговаривать слишком много. Они разговаривали на кухне, в автобусе, на улице, в коридоре, у окна, у двери, возле шкафа, возле стола, возле другого героя, и все это время они разговаривали, но сюжет не двигался, потому что они обсуждали все подряд.

Однажды я прочитал диалог на три страницы, в котором герои обсуждали, куда им идти. В конце третьей страницы они решили, что надо подумать и поговорить об этом завтра.

Я сказал моей дочери:

– У меня герои все время разговаривают и никуда не идут.

Немного подумав, она ответила:

– Тогда пусть они разговаривают на ходу.

– Это сложно писать.

– Тогда пусть они меньше разговаривают.
– Тогда они молчат.
– Тогда пусть они что-то делают.
– Тогда это уже не диалог, а действие.
– Ну и хорошо, – сказала она. – А то у тебя книга скоро будет состоять только из разговоров.

Я снова сел за текст и решил, что диалог должен двигать сюжет. Я написал сцену, где два героя разговаривают и одновременно идут по улице. Но пока они разговаривали, я забыл написать, куда они идут, и они прошли три страницы текста и никуда не пришли.

Я начал читать диалоги в других книгах и заметил, что там герои разговаривают коротко, по делу и все время что-то происходит. У меня же герои разговаривали подробно, обстоятельно и никуда не спешили, как люди в очереди.

Я решил сделать диалоги короче.

Я написал:

– Пойдем.

– Пойдем.

– Сейчас?

– Сейчас.

– Ну пошли.

– Ну пошли.

Я прочитал и понял, что это короткий диалог, но он тоже никуда не ведет, потому что они все еще собираются идти.

В этот момент моя дочь снова спросила:

– Они у тебя когда-нибудь уже пойдут?

– Скоро.

– Они уже три диалога собираются.

– Они обсуждают.

– Тогда пусть они уже дойдут, а потом обсудят, – сказала она.

Я начал понимать, что диалог – это очень опасная вещь. Если дать героям возможность говорить, они будут говорить бесконечно, потому что разговаривать легче, чем что-то делать. Я даже начал подозревать, что мои герои специально разговаривают, чтобы не участвовать в сюжете.

Однажды я написал длинный диалог и показал его другу.

Он прочитал и сказал:

– Это не диалог.

– Почему?

– Потому что люди так не разговаривают.

– А как разговаривают?

– Люди перебивают, недоговаривают, спорят, уходят, возвращаются, забывают, о чем говорили.

– Это сложно писать, – сказал я.

– Писать вообще сложно, – язвительно ответил он.

После этого я решил сделать диалоги более живыми. Я начал добавлять реплики, перебивания, паузы, недоговоренные фразы, но в какой-то момент я понял, что у меня получился диалог на четыре страницы, в котором герои спорят, перебивают друг друга, но все равно никуда не идут.

Я снова сел и задумался, зачем вообще нужны диалоги. И вдруг я понял очень важную вещь. Диалог – это когда герои разговаривают, чтобы автор в это время не писал описание. Когда я устаю описывать улицу, комнату, погоду, мебель и выражение лица героя, я начинаю диалог, и герои начинают говорить, а я в это время отдыхаю.

Я сказал об этом моей дочери, и она сказала:

– То есть диалог – это когда герои работают вместо автора?

– Получается, да.

– Тогда пусть они больше разговаривают, – сказала она. – Ты быстрее книгу закончишь.

И после этого открытия я стал относиться к диалогам спокойнее. Я понял, что герои могут говорить, спорить, молчать, отвечать коротко, говорить длинно, перебивать друг друга, и это все равно будет похоже на жизнь, потому что люди в жизни тоже часто разговаривают долго, никуда не идут и в конце разговора говорят, что надо будет как-нибудь встретиться и все обсудить.

И тогда я окончательно понял, что диалог – это не когда герои говорят правильно и литературно, а когда они говорят так, чтобы читатель поверил, что они живые, даже если за три страницы разговора они так никуда и не дошли, потому что, как показывает практика, в жизни тоже можно разговаривать очень долго, а потом разойтись и так и не сделать то, о чем говорили.

ОТ КАКОГО ЛИЦА ПИСАТЬ КНИГУ?

Когда я начал писать свою книгу, я довольно быстро столкнулся с проблемой, о которой раньше даже не думал, а именно от какого лица писать, потому что сначала мне казалось, что это вообще не проблема, ведь какая разница, кто рассказывает историю, главное, чтобы она была интересной, но потом я открыл файл, написал первую страницу и вдруг понял, что не знаю, кто все это рассказывает.

Сначала я решил писать от первого лица, потому что так проще, можно писать «я пошел», «я увидел», «я подумал», и не нужно каждый раз придумывать имя героя. Я написал: «Я проснулся утром и понял, что все идет не так, как я планировал». Мне это понравилось, потому что звучало правдоподобно, так как у меня часто все идет не так, как я планирую.

В этот момент моя дочь посмотрела на монитор и сказала:

- Это ты про себя пишешь?
- Нет, это герой.
- А почему он говорит «я»?
- Потому что я пишу от первого лица.
- Тогда читатели подумают, что это ты.
- Пусть думают.
- Тогда напиши, что ты богатый, смелый и высокий, – сказала она.
- Это будет неправда.

– Зато литературно, – сказала она.

Я подумал и решил, что писать от первого лица опасно, потому что герой может сделать что-нибудь глупое, а читатели будут думать, что это я сделал что-нибудь глупое. Тогда я решил писать от третьего лица. Я переписал начало и написал: «Он проснулся утром и понял, что все идет не так, как он планировал». Это звучало уже серьезнее и безопаснее.

Но тут возникла другая проблема. Я начал путаться, что знает герой, что знает автор, а что знает читатель. Иногда я писал, что герой чего-то не знает, а потом писал, что он об этом думает, и получалось, что он знает и не знает одновременно.

Я снова сказал моей дочери:

– Я не знаю, от какого лица писать.

– Напиши от лица кота, – сказала она.

– У меня в книге нет кота.

– Тогда добавь кота. Книги с котами всегда интереснее.

– А если книга не про кота?

– Тогда пусть кот наблюдает, – сказала она.

Я даже некоторое время думал написать главу от лица кота, который наблюдает за людьми и все понимает, но ничего не может изменить. Мне это показалось очень философским, но потом я понял, что придется изучать психологию котов, а я и так еще не написал книгу.

Потом я прочитал, что можно писать от второго лица, когда пишут «ты идешь», «ты думаешь», «ты открываешь дверь», и читатель как будто сам становится героем. Я попробовал написать так: «Тыходишь в комнату и понимаешь, что все изменилось». Я перечитал и почувствовал, что как будто разговариваю с кем-то, кто стоит у меня за спиной.

Я показал это моей дочери, и она сказала:

– Почему ты мне указываешь, куда я иду?

– Это не тебе, это читателю.

– Тогда пусть читатель сам решает, куда ему идти, – сказала она.

Я снова переписал начало и решил писать от лица автора, который все знает и все объясняет. Я написал длинное предложение о том, что герой еще не знает, что с ним произойдет, но автор уже

знает, и поэтому автор сейчас все расскажет. Получилось очень серьезно, но через две страницы я сам запутался, кто что знает и кто все это рассказывает.

Однажды вечером я открыл файл и увидел, что первая глава написана от первого лица, вторая от третьего, третья опять от первого, а в четвертой вообще непонятно, кто рассказывает, потому что там было написано просто «утро было холодным», и было неясно, кто это заметил.

Я сказал моей дочери:

– Кажется, у меня половина книги написана от первого лица, половина от третьего, а один абзац вообще непонятно от кого.

Она сказала:

– Тогда напиши, что это разные рассказчики.

– Это сложно.

– Тогда напиши, что это один рассказчик, но он иногда забывает, кто он.

– Это еще сложнее.

– Тогда просто оставь, как есть, – сказала она. – В жизни тоже никто до конца не понимает, от какого лица все происходит.

Я попытался привести все к одному виду и начал переписывать главы. Я менял «я» на «он», потом «он» на «я», потом «я подумал» на «ему показалось», потом «ему показалось» обратно на «я подумал». Через некоторое время я уже не понимал, кто думает, кто идет и кто все это рассказывает.

Я даже попробовал написать одну страницу от лица чемодана, потому что чемодан все время ездит с героем и многое видит. Я написал: «Я, чемодан, стоял в углу и думал о том, что люди все время куда-то едут, но редко знают зачем». Это получилось неожиданно философски, но я понял, что если продолжать писать от лица чемодана, книга станет очень странной, и читатель может начать переживать за автора.

В конце концов я сел, посмотрел на весь текст и понял, что проблема не в том, от какого лица писать, а в том, чтобы вообще писать дальше, потому что можно всю жизнь выбирать лицо, от которого писать, и так и не написать ни одной книги.

Я сказал моей дочери:

– Я так и не решил, от какого лица писать.

Она спросила:

– А история у тебя есть?

– Есть.

– Тогда пусть ее кто-нибудь расскажет.

– Кто?

– Да кто угодно, – сказала она. – Главное, чтобы рассказал.

И тогда я решил, что главное в книге не то, от какого лица она написана, а то, чтобы ее вообще кто-нибудь рассказал, потому что читателю, в общем-то, все равно, кто рассказывает историю, если она интересная, а если она неинтересная, то никакое лицо ее не спасет.

И после этого я перестал так сильно переживать по поводу первого, второго и третьего лица и начал просто писать, потому что в какой-то момент нужно перестать выбирать, кто рассказывает историю, и начать саму историю, а там уже видно будет, от какого лица она получится.

СТОИТ ЛИ ОТПРАВЛЯТЬ РУКОПИСЬ ДРУЗЬЯМ?

Когда я почти закончил писать свою книгу, у меня возник очень серьезный вопрос, который рано или поздно возникает у каждого начинающего писателя, а именно стоит ли отправлять рукопись друзьям, потому что с одной стороны хочется узнать мнение, а с другой стороны есть подозрение, что после их мнения книгу придется переписать, а может быть, и не только книгу, но и свою жизнь.

Я долго сомневался, но потом решил, что настоящий писатель должен быть смелым, и разослал рукопись нескольким знакомым, друзьям и родственникам, написав в письме, что очень жду честного мнения, потому что для меня это важно, хотя в глубине души надеялся, что все напишут, что это гениально и ничего менять не надо.

Первым ответил мой знакомый, который всегда говорит осторожно и дипломатично. Он написал: «Очень интересно, но, как мне кажется, текст немного длинноват, можно было бы сократить».

Я прочитал это письмо, задумался и сказал моей дочери:

– Он говорит, что надо сократить.

Она спросила:

– Он дочитал до конца?

– Не знаю.

– Тогда он, может, хочет, чтобы книга была короче, потому что он ее не дочитал.

– Это возможно, – сказал я и немного загрустил.

Потом написал другой знакомый. Он написал: «Очень интересно, но, как мне кажется, нужно добавить больше описаний и деталей, чтобы читатель лучше понимал атмосферу». Я прочитал это письмо и сказал: – Этот говорит, что надо добавить. Моя дочь сказала: – Один говорит сократить, другой добавить. Если ты их обоих слушаешь, книга станет в два раза больше и в два раза короче одновременно. – Это сложно, – сказал я.

Потом написал третий человек. Он написал: «Очень интересно, но я пока прочитал только половину, дальше обязательно прочитаю, когда будет время». Я ждал неделю, потом две, потом месяц, но времени у него так и не появилось.

Я сказал моей дочери:

– Он не дочитал.

– Значит, книга длинная.

– Или у него нет времени.

– Или неинтересно, – сказала она.

– Ты слишком прямолинейно рассуждаешь, – сказал я.

Потом написал еще один знакомый и сказал: «Очень интересно, но герой у тебя какой-то странный, он все время думает и почти ничего не делает». Я прочитал это и понял, что герой действительно все время думает, потому что когда я не знаю, что с ним делать, я заставляю его думать.

Я сказал моей дочери:

– Говорят, герой странный.

Она спросила:

– А почему ты так считаешь?

– Мне показалось.

– А что он делает?

– Он думает о жизни.

– Тогда он не странный, он писатель, – сказала она.

Потом пришло письмо от человека, который всегда говорит честно. Он написал: «Очень интересно, но я ничего не понял». Я перечитал это письмо несколько раз, потому что оно было очень короткое, но очень содержательное.

Я сказал:

– Он ничего не понял.

Моя дочь спросила:

– А ты сам все понимаешь?

– Не всегда.

– Тогда все честно, – сказала она.

Потом позвонил друг и сказал:

– Слушай, книга интересная, но ты лучше рассказываешь устно.

– Это как? – спросил я.

– Когда ты рассказываешь, смешно, а когда читаешь, серьезно.

– Это потому что я читаю серьезно.

– Тогда пиши так, как рассказываешь.

– Тогда это будет не книга, а разговор.

– Зато интересно, – сказал он.

После всех этих отзывов я сел, открыл рукопись и понял, что если следовать всем советам, то нужно одновременно сократить книгу, добавить в нее больше описаний, изменить героя, сделать все понятнее, сделать все интереснее, писать проще, писать сложнее, писать короче, писать длиннее и писать так, как я рассказываю, но при этом чтобы это была книга.

Я снова спросил мою дочь:

– Как ты думаешь, стоит ли отправлять рукопись друзьям?

Она сказала:

– Стоит, если ты готов все переписать.

– А если не готов?

– Тогда не стоит.

– А как узнать, хорошая книга или нет?

– Когда ее будут читать люди, которые тебя не знают.

– А друзья? – Друзья тебя жалеют.

– А знакомые?

– Знакомые боятся тебя обидеть.

– А кто скажет правду?

– Тот, кому ты не понравишься, – сказала она.

Я еще раз перечитал все отзывы и заметил, что все письма начинались одинаково: «Очень интересно, но...» После слова «но» обычно начиналось самое интересное, потому что именно там

объяснялось, что не так с книгой, героем, сюжетом, стилем, погодой, диалогами и иногда со мной.

Я даже подумал, что можно написать книгу под названием «Очень интересно, но», потому что это самое точное описание любой рукописи начинающего писателя.

Через некоторое время я заметил еще одну интересную вещь. Больше всего мою книгу хвалили люди, которые ее не читали. Они говорили: – Я слышал, ты написал книгу, это очень круто. – Обязательно прочитаю. – Ты молодец. – Я всегда говорил, что ты напишешь книгу.

Я сказал моей дочери: – Самые хорошие отзывы дают люди, которые книгу не читали. Она сказала: – Потому что им нечего критиковать. – То есть лучший читатель – тот, кто не читал? – Лучший читатель – тот, кто хвалит, – сказала она.

И тогда я окончательно понял, что отправлять рукопись друзьям можно, но нужно быть готовым к тому, что один скажет сократить, другой добавить, третий не дочитает, четвертый ничего не поймет, пятый скажет, что герой странный, шестой скажет, что ты лучше рассказываешь устно, а лучший отзыв даст тот, кто книгу не читал, но уже всем рассказал, что она замечательная.

И после этого открытия я стал спокойнее относиться к отзывам, потому что понял, что у каждой рукописи есть три стадии: сначала ее хвалят те, кто ее не читал, потом критикуют те, кто ее прочитал, а потом ее читают те, кто вообще не знает автора, и вот тогда становится понятно, стоило ли все это писать.

КОГДА КНИГА ЗАКОНЧЕНА

Когда я наконец дописал свою книгу, я испытал очень странное чувство, потому что сначала мне казалось, что этот момент будет торжественным, я встану, посмотрю в окно, скажу что-нибудь умное, например, что труд завершен и можно подводить итоги, но на самом деле все произошло гораздо проще. Я просто написал последнюю фразу, поставил точку, посмотрел на экран и не понял, что делать дальше, потому что книга вроде закончилась, а я к этому оказался совершенно не готов.

Я некоторое время смотрел на последнюю строку, потом на первую, потом снова на последнюю, потом решил, что файл нужно сохранить особенно внимательно, потому что это уже не просто файл, а готовая книга. Я нажал «Сохранить как» и написал название файла: «Повесть_финал.docx». Потом подумал, что это слишком неуверенно, и переименовал файл в «Повесть_финал_окончательный.docx». Потом подумал, что слово «окончательный» слишком опасное, потому что всегда может оказаться, что он не окончательный, и написал «Повесть_финал_самый_последний.docx».

Потом на всякий случай добавил «точно», и получилось: «Повесть_финал_самый_последний_точно.docx».

В этот момент в комнату зашла моя дочь и спросила:

- Ну что, ты написал книгу?
- Да, – сказал я. – Я написал последнюю фразу.
- И все?
- Теперь осталось только немного поправить.

– Что поправить?

– Одно слово, – сказал я.

Я открыл текст и действительно нашел одно слово, которое мне не нравилось. Я заменил его на другое, потом перечитал предложение и понял, что теперь не нравится все предложение. Я переписал предложение. Потом оказалось, что предыдущее предложение тоже теперь не подходит, потому что они должны быть связаны. Я переписал еще один абзац.

Моя дочь снова заглянула и спросила:

– Ты же сказал, что книга закончена.

– Она закончена, я просто немного редактирую.

– Сколько? – Немного.

– Сколько страниц?

– Пока две.

На следующий день я открыл файл и решил перечитать книгу с самого начала, потому что, как известно, конец книги зависит от начала, а начало, возможно, нужно немного изменить, чтобы оно лучше подходило к концу. Я начал читать первую страницу и уже на втором абзаце понял, что так писать нельзя и нужно переписать начало.

Я переписал первую страницу. Потом вторую, чтобы она подходила к первой. Потом третью, потому что она теперь не подходила ко второй. Через некоторое время я понял, что снова пишу книгу, хотя вчера я ее уже закончил.

Вечером я сказал моей дочери:

– Я немного переписал начало.

– Сколько?

– Первые три главы. Это половина книги.

– А конец?

– Конец пока остался.

– Пока? – спросила она.

Через несколько дней я решил, что название книги мне не нравится. Я открыл файл и начал придумывать новое название. Я написал одно название, потом другое, потом третье. Потом понял, что название не подходит к началу, а начало я уже переписал, а конец

писал под старое начало, и теперь конец тоже надо немного изменить.

Я снова сел переписывать конец. Переписал последнюю страницу, потом предпоследнюю, потом третью с конца, потому что герой вел себя там не совсем так, как теперь в начале.

Моя дочь снова спросила:

- Книга уже закончена?
- Почти. – Ты же говорил, что закончил неделю назад.
- Я закончил старую версию.
- А сейчас?
- Сейчас новая версия.
- А когда она закончится?
- Скоро.
- А потом?
- Потом я еще немного поправлю.

В какой-то момент у меня на компьютере появилось много файлов: «Повесть_финал.docx»

«Повесть_финал_исправленный.docx»

«Повесть_финал_новый.docx»

«Повесть_финал_новый2.docx»

«Повесть_финал_самый_последний.docx»

«Повесть_финал_самый_последний_точно.docx»

«Повесть_финал_самый_последний_точно2.docx»

Я уже сам не помнил, какой из них последний, а какой предпоследний, и иногда открывал старую версию и начинал исправлять ее, думая, что это новая.

Однажды моя дочь сказала:

- Покажи последнюю версию.
- Вот она, – ответил я, и показал пальцем на монитор.
- А почему называется «... самый_последний_точно_новый3»?
- Потому что это точно последняя версия.
- Ты так говорил про предыдущие три файла.
- Но этот точно последний.
- А ты еще будешь исправлять?
- Немного.
- Тогда это не последний.

И в этот момент я вдруг понял очень важную вещь. Книга никогда не заканчивается сама по себе. Ее нельзя дописать окончательно, потому что всегда можно заменить одно слово, переставить одно предложение, переписать один абзац, изменить начало, изменить конец, поменять название, убрать сцену, добавить сцену, исправить диалог, сократить описание погоды, добавить еще одно описание погоды, и все это можно делать бесконечно.

Я сел, посмотрел на файл, на количество версий, на свои исправления и понял, что книгу нельзя закончить, ее можно только перестать переписывать.

Я сказал моей дочери: — Кажется, я понял, когда книга считается законченной. — Когда? — Когда автор устал ее переписывать. — Или когда издательство забрало файл и не отдает, — сказала она.

И после этого разговора я закрыл файл и решил, что книга закончена, потому что если я открою ее еще раз, то обязательно найду одно слово, которое надо заменить, потом одно предложение, потом первую страницу, потом название, а потом снова придется писать книгу заново.

И тогда я окончательно понял, что книга никогда не заканчивается. Ее просто в какой-то момент перестают переписывать, обычно потому, что автор устал, или потому, что срок сдачи рукописи уже прошел, или потому, что файл потерялся, и восстановить его уже невозможно, а значит, книга наконец-то закончена.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

Когда я только начинал писать свою первую книгу, я думал, что главное – это талант. Оказалось, главное – это стул, стол, тишина, время, вдохновение, отсутствие интернета, наличие интернета, правильный шрифт, новый файл, старый файл, кофе, чай, смысл жизни и уверенность, что все не зря.

С талантом, как мне казалось, у меня было все в порядке, поэтому я начал с выбора шрифта. Times New Roman казался слишком школьным. Arial – слишком деловым. Courier New делал текст похожим на донос. Georgia выглядела так, будто я уже лауреат премии, но писать в ней было страшно – надо было соответствовать.

В результате я два часа выбирал шрифт и за это время написал название файла:

“окончательный_вариант_самый_последний.docx».

После этого я устал и решил, что писательство – дело серьезное и требует подготовки. Я пошел заваривать чай, по дороге посмотрел в окно, задумался о судьбе литературы, потом проверил почту, потом новости, потом погоду в Москве и Подмосковье, потом почему-то цены на лодочные моторы, хотя лодки у меня никогда не было.

Вернувшись к компьютеру, я понял, что вдохновение – вещь тонкая и требует правильной атмосферы. Я убрал со стола все лишнее, потом понял, что на пустом столе писать неудобно, и вернул все обратно. Потом я переставил лампу. Потом стул. Потом снова лампу. В результате стол стоял как раньше, но я чувствовал, что работа проделана большая.

Наконец я написал первую фразу повести. Первая фраза мне не понравилась. Я ее удалил. Потом написал вторую первую фразу. Она тоже не понравилась, но уже меньше, поэтому я решил ее оставить временно, навсегда.

Через час у меня было написано три предложения, и я уже чувствовал себя человеком, пережившим многое.

Очень скоро после начала работы над повестью я столкнулся с первой серьезной проблемой – у героя не было имени. Сначала я назвал его Иваном. Потом Сергеем. Потом Алексеем. Но все они вели себя не так, как требовал сюжет.

Тогда я решил начать с фамилии, потому что в хорошей литературе фамилия иногда важнее человека. Я стал придумывать фамилии: Бублик, Карасиков, Полботинка, Дверкин, Сквозняков, Недоспалов, Перепуткин, Тормозов, Шнурков, Безобедов.

Фамилия Безобедов мне особенно понравилась, потому что герой с такой фамилией сразу вызывал сочувствие и желание его накормить.

Потом появились фамилии: Криворучкин, Недочитав, Полуспав, Самнепомню, Опятьзабылов. На фамилии Опятьзабылов я долго смеялся, но понял, что серьезную повесть с героем Опятьзабыловым написать трудно, потому что читатель будет ждать, что он все время что-то забудет.

В конце концов у меня получилось, что в повести действуют:
главный герой – Сомнителев,
его друг – Переживалов,
начальник – Недоволенский,
сосед – Подслушкин,
и проводница – Аглая Перестукина.

Когда я перечитал список персонажей, мне показалось, что это не повесть, а заседание какого-то странного учреждения. Я даже представил табличку на двери: «Отдел по делам сомнений, переживаний и общего недовольства. Прием граждан ведет Подслушкин».

Когда герои получили имена и фамилии, я решил писать красивым литературным языком. Сначала я писал просто: Он вошел в комнату и сел на стул.

Потом мне показалось, что это слишком просто, и я написал: Он медленно вступил в пространство комнаты и опустился на предмет мебели, предназначенный для сидения.

Я перечитал и понял, что так люди не только не пишут, но и не живут. Я исправил: Он вошел в комнату и тяжело опустился на стул, как человек, уставший от жизни и от синтаксиса.

Это мне понравилось больше.

Когда я перечитал повесть, я с удивлением обнаружил, что все события в ней происходят внезапно. Герой внезапно проснулся. Внезапно вспомнил. Внезапно вышел. Внезапно встретил. Внезапно подумал.

Слово «внезапно» появлялось в тексте так часто, как будто оно было главным героем произведения. Я решил бороться. Сначала заменил «внезапно» на «неожиданно». Потом на «как-то вдруг». Потом просто удалял.

В результате получилось так: Герой проснулся. Потом вспомнил. Потом вышел. Потом встретил. Потом подумал.

Повесть стала похожа на отчет о проделанной работе. Тогда я понял, что слово «внезапно» нужно не читателю, а писателю. Оно помогает, когда автор сам не знает, почему герой что-то сделал.

В какой-то момент мне показалось, что в повести не хватает глубины. Я решил вставить глубокую мысль.

Сначала написал: Жизнь – сложная штука.

Потом углубил: Человек не всегда является хозяином своей судьбы, но иногда ему кажется, что является.

Я вставил эту мысль в текст. Получилось так: Он пошел на вокзал. Человек не всегда является хозяином своей судьбы, но иногда ему кажется, что является. Он купил билет и сел в поезд.

Глубина немного мешала сюжету, но зато украшала текст. Потом глубоких мыслей стало так много, что герои перестали успевать жить между ними.

Но самые большие трудности начались, когда я стал писать диалоги. Сначала все герои говорили одинаково:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Как дела?

– Нормально.

Это был очень вежливый, но совершенно бессмысленный разговор.

Тогда я решил, что у каждого героя должен быть характер. И диалог стал выглядеть так:

– Я считаю, что данная ситуация носит неоднозначный характер, – сказал Сомнителев.

– Да, – сказал Переживалов.

– Все плохо, – сказал Недоволенский.

– Чай будете или уже передумали? – сказала Перестукина.

Диалоги ожили, но появилась другая проблема – герои начали разговаривать слишком много и перестали двигаться по сюжету.

Тогда я понял главное правило литературы: если герои слишком долго разговаривают, значит, автор не знает, что с ними делать дальше.

К этому времени у меня уже было:

три начала повести, два конца, один герой, который в середине поменял свое имя, проводница Аглая Перестукина, и файл «точно_последний_вариант_не_трогать.docx», в который я каждый день что-то добавлял.

И тогда я окончательно понял, как пишутся книги.

Книги пишутся не тогда, когда человек пишет. Книги пишутся тогда, когда человек:

переименовывает героев,
удаляет красивые фразы,
возвращает удаленные фразы,
борется со словом «внезапно»,
вставляет глубокие мысли,
пишет диалоги,
смотрит в окно,
пьет чай,
перечитывает первую страницу,
и думает, что все надо переписать заново.

А потом проходит время, и оказывается, что повесть почти написана, осталось только написать начало, середину, конец и все остальное.

И вот тогда начинаются настоящие муки творчества...

КАК Я ИЗДАВАЛ КНИГУ

В тот день я окончательно решил стать писателем. Не просто писателем, а опубликованным писателем, что, как известно, значительно приятнее и почти не требует дополнительных усилий, кроме написания книги, поиска издательства, заключения договора, ожидания, исправления правок, повторного ожидания и тихого старения у почтового ящика.

Книга у меня уже была. Она лежала на столе, аккуратно распечатанная, и своим видом напоминала начинающего чиновника – толстая, важная и никому не нужная.

Оставалось самое простое – издать ее.

Я открыл интернет и написал: «Издательства, принимающие рукописи начинающих авторов, бесплатно, срочно и с последующей мировой славой».

Интернет задумался и выдал несколько адресов, среди которых особенно внушительно выглядело издательство с названием «Светоч литературы». Уже по одному названию было ясно, что без светоча моя литература существовать дальше не сможет.

Я написал им письмо.

Ответ пришел на следующий день, что сразу вызвало у меня уважение к оперативности выбранного мною издательства.

Письмо было коротким:

– Уважаемый автор! – Мы внимательно ознакомимся с вашим произведением. – Если оно представляет художественную ценность, мы обязательно вам ответим. – Если не представляет – тоже ответим, но позже.

Я отправил рукопись и стал ждать. Ждал я вдохновенно.

Каждое утро я открывал почту с выражением лица человека, которому вот-вот должны сообщить о Нобелевской премии, но вместо этого мне приходили письма от магазина инструментов, стоматологии и один раз – от секты, которая тоже издавала книги, но почему-то только про конец света.

Через две недели пришел ответ из отдела публикаций. Письмо было строгое, деловое и сразу внушало чувство вины, хотя я еще ничего не нарушил.

Мне сообщили, что для публикации книги необходимо предоставить разрешения на публикацию нескольких фотографий, сделанных мной лет двадцать назад, где я красуюсь на фоне красной дорожки у Дворца фестивалей в Каннах, в окружении членов нашей туристической группы.

С членами туристической группы я был знаком ровно столько дней, сколько длилась экскурсия, после чего мы разъехались к своим родным пенатам, и с тех пор я не видел их никогда, даже во сне.

Однако строгий модератор из отдела публикаций считал иначе. Он считал, что без письменного разрешения каждого гражданина, попавшего в объектив моего фотоаппарата в 2004 году, публикация невозможна.

Я написал в отдел публикаций, что не знаю фамилий этих людей, не знаю их адресов и вообще помню только, что одного звали, кажется, Гагик, а другого – то ли Сидор, то ли Серик...

Ответ пришел быстро:

– В таком случае просим вас установить личности всех лиц, изображенных на фотографии, связаться с ними и получить письменное согласие на публикацию.

Я представил себе, как я разыскиваю по миру людей, с которыми ел завтрак в гостинице в Ницце двадцать лет назад, и понял, что литература – дело непростое и требует серьезной детективной подготовки.

Я снова написал в отдел публикаций, что найти этих людей невозможно.

На это мне ответили:

– В таком случае мы рекомендуем вам убрать фотографии.

Я убрал фотографии.

Через несколько дней пришло новое письмо:

– После удаления фотографий ваша книга стала менее иллюстративной и поэтому менее интересной для читателя.

В этот момент я понял, что отдел публикаций – это не просто отдел. Это философская организация, главная задача которой – чтобы книга никогда не дошла до читателя, но при этом все происходило строго по правилам.

Я начал переписку.

Я писал им длинные письма, в которых объяснял, что люди на фотографии – это часть художественного замысла, атмосфера эпохи, символ мимолетности туристического счастья и вообще, возможно, они уже сами забыли, что были на этой фотографии.

Мне отвечали коротко:

– Нужны разрешения.

Я снова писал. Мне снова отвечали:

– Без разрешений нельзя.

Переписка продолжалась так долго, что я начал подозревать, что отдел публикаций существует исключительно ради переписки.

Там, по-видимому, сидели суровые люди, которые с детства мечтали не пропускать чужие фотографии в печать. У каждого из них, вероятно, был специальный штамп с надписью «НУЖНО РАЗРЕШЕНИЕ», и они ставили его с таким же удовольствием, с каким художник ставит подпись под картиной.

В конце концов я сдался.

Фотографии я убрал, книга вышла без фотографий, и, как мне потом сообщили, отсутствие фотографий сделало текст значительно менее интересным, но зато полностью соответствующим требованиям.

Так я впервые понял, что между писателем и читателем всегда стоит отдел публикаций, и это самые стойкие люди на всем литературном фронте.

Они не читают книг, они их регулируют.

И если бы Лев Толстой жил в наше время, ему бы сначала пришлось найти всех людей, изображенных на иллюстрациях к «Войне и миру», и получить от них письменное согласие.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

У меня есть один приятель, к которому я очень люблю ходить в гости. Мы обычно садимся на кухне, ставим чайник, достаем печенье, иногда варенье, иногда ничего не достаем, потому что все уже съели в прошлый раз, и начинаем пить чай и разговаривать. Вернее, в основном говорит он, а я слушаю, потому что он умеет рассказывать истории так, что даже если история совершенно невероятная, все равно хочется слушать дальше и узнать, чем все закончится.

Каждый свой рассказ он обычно начинает одинаково. Он говорит: «Когда я был...», или «Когда я работал...», или «Когда я впервые познакомился...», или «Когда я написал...», и после этих слов сразу становится понятно, что сейчас будет длинная, смешная, странная и, возможно, не совсем правдивая история, но слушать ее все равно будет интересно.

Иногда я говорю ему:

– Слушай, у тебя все истории начинаются со слов «Когда я...».

Он отвечает:

– А с каких еще им начинаться? Не могу же я начинать со слов «Когда не я».

И после этого начинает новую историю, которая опять начинается со слов «Когда я...», и я снова сижу, пью чай и слушаю.

Однажды, возвращаясь от него домой, я вдруг подумал, что все мои рассказы в этой книге тоже можно было бы начинать со слов «Когда я...». Когда я писал ночью. Когда я переписывал первую страницу. Когда я сокращал текст. Когда я спорил с внутренним

голосом. Когда я придумывал название. Когда я отправлял рукопись друзьям. Когда я решил, что книга закончена. Когда я понял, что она не закончена.

И я подумал, что в этом есть какая-то правильная интонация, потому что все эти истории на самом деле не совсем про литературу, не совсем про писательство, не совсем про книги, а про то, как человек все время что-то собирается сделать, потом делает, потом переделывает, потом сомневается, потом снова делает, потом рассказывает об этом, и в итоге получается не только книга, но и целая коллекция историй о том, как эта книга писалась.

Я даже однажды сказал своему другу:

– Слушай, я, кажется, написал целую книгу, в которой все начинается со слов «Когда я».

Он сказал:

– Это правильно. Самые интересные истории всегда начинаются со слов «Когда я», потому что если история начинается со слов «Однажды кто-то», это еще неизвестно кто, а если начинается со слов «Когда я», то хотя бы понятно, кто во всем виноват.

После этого мы еще долго пили чай, и он рассказывал очередную историю, которая начиналась со слов «Когда я однажды решил...», и я поймал себя на мысли, что именно такой интонации мне и хотелось в этой книге – чтобы было ощущение, будто мы просто сидим на кухне, пьем чай и рассказываем друг другу разные истории, иногда смешные, иногда странные, иногда почти правдивые, а иногда такие, что сам не понимаешь, было это или просто хорошо рассказано.

Поэтому я и решил, что все или почти все рассказы в этом сборнике будут начинаться примерно одинаково – со слов «Когда я...». Не потому, что мне не хватило фантазии придумать разные начала, а потому, что именно так обычно и начинаются все самые интересные разговоры, воспоминания и истории, которые рассказывают не для отчета и не для учебника, а просто потому, что хочется рассказать.

И если читателю иногда будет казаться, что он уже слышал начало этой истории, то, может быть, это даже хорошо, потому что самые любимые истории мы обычно слушаем не один раз, и каждый раз они кажутся немного другими, особенно если слушать их за чаем.

Вот, собственно, и вся история о том, почему почти все рассказы в этой книге начинаются со слов «Когда я...». Потому что именно так обычно начинаются все длинные разговоры, хорошие воспоминания и книги, которые писались долго, переписывались еще дольше, а закончились только потому, что в какой-то момент автор решил, что пора ставить точку, наливать чай и начинать рассказывать следующую историю, которая, скорее всего, тоже начнется со слов «Когда я...».

